

оригинальная статья

Эволюция структур насилия в спорте: от колониализма к капитализму с азиатским лицом

Дудник Елизавета Максимовна

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации,
Россия, Москва<https://orcid.org/0000-0001-6883-0818>

liza_dudnik@mail.ru

Поступила в редакцию 29.07.2022. Принята после рецензирования 15.09.2022. Принята в печать 19.09.2022.

Аннотация: Через призму постколониальных исследований анализируется влияние спорта на разрушение структур насилия, эмансипацию и голос субалтерна с деколонизации по настоящий момент. Цель – определить, может ли спорт дать субалтерну голос, способствовать его эмансипации и ликвидации структур насилия. Анализируются основные тренды, наблюдавшиеся в спорте после деколонизации: национализация с использованием кейс-стади бадминтона в Индонезии, футбола в Марокко и петанка в Пондишери; интеграция – через историю участия бывших колоний в Олимпийском движении, континентальном и мировом футболе, статистику Международного олимпийского комитета; коммерциализация прослеживается в росте влияния новых акторов (нетрадиционные государства, неправительственные организации, транснациональные компании), миграции футболистов из Африки, бадминтонистов из Индонезии, регбистов – с островов Океании; усиление роли азиатских стран изучается путем анализа рейтингов самых высокооплачиваемых спортсменов и ведущих спортивных производителей, статистики LPGA Tour по происхождению игроков и географии турниров, оценки эмансипации субалтерна-спортсмена П. В. Синдху. Сделан вывод об увеличении числа и трансформации структур насилия и, как следствие, сохранении зависимого и уязвимого положения спортсмена-субалтерна, который вынужден по политическим и экономическим причинам играть по правилам и старых, и новых центров силы.

Ключевые слова: спорт, капитализм, субалтерн, постколониальное состояние, эмансипация, голос, зависимость

Цитирование: Дудник Е. М. Эволюция структур насилия в спорте: от колониализма к капитализму с азиатским лицом. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 4. С. 412–424. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-412-424>

full article

The Evolution of Violence Structures in Sports: From Colonialism to Asian-Oriented Capitalism

Elizaveta M. Dudnik

Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-6883-0818>

liza_dudnik@mail.ru

Received 29 Jul 2022. Accepted after peer review 15 Sep 2022. Accepted for publication 19 Sep 2022.

Abstract: The author adopted the postcolonial perspective to analyze how sport has affected the destruction of violence structures, the emancipation, and the voice of subalterns since the decolonization. Having summarized the imperial sports policy, the article introduces 4 major trends in sports after decolonization. Nationalization is described through the prism of Indonesian badminton, Moroccan football, and petanque in Pondicherry. Integration is illustrated by the participation of former colonies in the Olympic Movement, world football, and IOC statistics. Commercialization is exemplified by the growing influence of new actors, i.e., non-traditional states, non-governmental organizations, multinational companies and by the migration of African footballers, Indonesian badminton players and rugby players from Oceania. The rise of Asian countries is revealed by means of the analysis of rankings of the highest-paid female athletes and leading sports manufacturers, LPGA Tour statistics on players' origins, the geography of international tournaments, and the case of subaltern athlete P. V. Sindhu. The researcher concludes that the growing number and the changing nature of violence structures keeps subaltern athletes in a dependent and vulnerable position, forcing them to follow the rules set by longstanding and emerging centers of power, both politically and economically.

Keywords: sports, capitalism, subaltern, postcolonial condition, emancipation, voice, dependence

Citation: Dudnik E. M. The Evolution of Violence Structures in Sports: From Colonialism to Asian-Oriented apitalism. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki, 2022, 7(4): 412–424. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-412-424>

Введение

Российский дискурс о международных отношениях, как правило, практически не выходит за рамки дебатов между реалистами и неолибералами. Однако в мире, пришедшем к постпозитивизму, уже не первое десятилетие развиваются другие направления, среди которых – постколониальные исследования.

Кратко опишем основные концепты этой школы, использующиеся в нашей работе. *Субалтерн* – представитель самых угнетенных слоев населения, трудящихся в небольших городах и сельской местности, испытывающий на себе давление как колонизаторов, так и местных элит в эпоху колониализма. Считается, что он был лишен права на голос – его представляли авторы дискурса, европейцы. Дискурс сообщался не-Западу и служил основой культурной гегемонии.

Эта концепция А. Грамши показывает критическую важность неэкономического аспекта, формирующего согласие угнетенных, для господства доминирующих классов. Здесь же говорится о *мимикрии* – внешнем и показном, неискреннем принятии культуры колонизатора и *гибридности* – новом состоянии культуры, не равном ни одному из изначальных компонентов [1, р. 209–211].

Поясним, почему спорт попадает в поле зрения постколониальных исследований. Во-первых, он связан с самим колониальным дискурсом через концепт *тела*, который красной нитью проходит через обоснование превосходства белого человека (расизм возник именно на колониальной почве). Не культура, а *тело примитивного* было основой его представления, главной отличительной чертой, якобы доказывающей самоочевидное различие рас. С его описания начинались рассказы путешественников, а фотографии (особенно полураздетых африканских женщин) активно распространялись в «образовательных» целях *The National Geographic* [2, р. 2].

Во-вторых, уже с 1970-х гг. начинает прослеживаться доминирование небелых спортсменов в таких видах спорта, как легкая атлетика, в частности различных беговых дисциплинах [3, р. 117]. В нынешнем же столетии обращает на себя внимание их преобладание в европейских футбольных чемпионатах, массовое присутствие в баскетболе. Стоит также отметить, что спортивная миграция из колоний в метрополию началась более 100 лет назад, как и пополнение национальных команд за счет выходцев из колоний [4, р. 952–953].

В-третьих, спорт получил признание и в классических теориях международных отношений (МО), и в политике различных государств. В неолиберальной традиции его относят к инструментам «мягкой силы», неоднократно доказавшим свою эффективность. Например, считается, что проведение летних Олимпийских игр 2008 г. помогло Китаю конвертировать свою экономическую мощь в политическое влияние. Благодаря *пинг-понговой дипломатии* были налажены отношения между КНР и США, снижался градус напряженности в отношениях между КНДР и Республикой Корея. *Дипломатия крикета* способствовала деэскалации Индо-пакистанского конфликта, а к *дипломатии дзюдо* прибегал даже президент РФ В. В. Путин [5]. О важности спорта для бывших колоний можно судить по попыткам Нигерии и Восточного Тимора запомниться необычными костюмами на церемонии открытия зимних Олимпийских игр 2022 г.¹

Наконец, многие виды спорта не требуют серьезных финансовых вложений, инвентаря и инфраструктуры, имеют незамысловатые правила. Поэтому их смело можно отнести к массовой культуре, предположительно доступной субалтерну. Кроме того, они обладают потенциалом для формирования общей идентичности и подогрешения протестной активности.

В связи с вышесказанным, цель данного исследования можно обозначить как рассмотрение спорта через нормативный компонент постколониальных исследований или же ответ на вопрос *может ли спорт дать субалтерну голос*, способствовать его эмансипации и ликвидации структур насилия.

Хотя представители политических наук (преимущественно зарубежные) неоднократно затрагивали этот вопрос в своих работах, как правило, в их фокусе оказывалась отдельно взятая страна или регион² [4–8] и / или один вид спорта [3; 9–11]. Попытки же обобщения зачастую слишком далеки от конкретики [12] либо призваны служить неким указателем на другие работы [1; 2]. Кроме того, в значительной части материала основное внимание исследователей сосредоточено на начальном этапе постколониального состояния [13; 14] или на миграционных процессах [15; 16].

Мы постарались дать как можно более четкий ответ, обобщив имеющиеся данные по развитию различных видов спорта с ярко выраженным постколониальным компонентом в различных постколониальных государствах

¹ #Beijing2022 Opening Ceremony! Full Replay. *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NU50iL5QOVI> (accessed 1 Nov 2022).

² Schler L., Dubinsky I. Sports pages in Nigeria's postcolonial press reveal political unity and discord. Africa at LSE, 2020. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2020/05/26/sports-pages-nigeria-postcolonial-press-media-reveal-political-unity-and-discord/> (accessed 7 Jan 2022).

и на международном уровне. Рассмотренные виды спорта перспективны с точки зрения эмансипации субалтерна вследствие популярности среди болельщиков³ и самих игроков, включая любителей⁴, регулярного присутствия их представителей в рядах наиболее высокооплачиваемых спортсменов [17].

Помимо вторичных источников, автор обращается к данным о составе *Исполнительного комитета Международного олимпийского комитета* (МОК), рейтингу наиболее высокооплачиваемых спортсменов журнала *Forbes*, рейтингу ведущих компаний спортивной индустрии по рыночной капитализации, статистике иностранных игроков во французской *League 1*, доле ВВП островных государств Океании, приходящейся на перечисления эмигрантов, а также статистике *LPGA Tour* по происхождению игроков и географии турниров. В работе использованы такие методы, как логико-интуитивный, кейс-стади (бадминтон в Индонезии, футбол в Марокко, петанк в Пондишери), описание, сравнение, анализ статистических данных и текстов, синтез. По возможности мы придерживались хронологического порядка.

Статья структурирована тематически – исходя из рассматриваемых процессов, которые мы назвали национализацией спорта, интеграцией, коммерциализацией и подъемом азиатских стран, в их отношении к эмансипации субалтерна и разрушению структур насилия.

Спорт в эпоху колониализма

Было бы ошибочно утверждать, что до прихода европейцев коренное население колоний не занималось спортом. Напротив, местные жители осознавали его потенциал в выработке у детей когнитивных, социальных и физических навыков, нужных для жизни в общине, в их социализации и конструировании определенной культурной идентичности. У юных африканцев Кении выносливость и координация развивались в ходе занятий борьбой, а охотиться и защищать общину молодежь готовилась, бросая спортивные снаряды в выбранные цели [6, p. 302–303]. Различные боевые искусства были популярны в Сенегале, Нигере, Алжире, ЮАР. Марокканские кочевники изобрели «хоккей бедуинов», в Конго придумали нзанго (командная танцевальная игра, в которой нужно имитировать движения соперников), на Мадагаскаре – савику (цель – голыми руками укротить зебу, не нанеся ему увечий)⁵. Это лишь некоторые примеры.

Изначально колонизаторы привозили с собой элитные виды спорта, т.к. организовать все необходимое для занятий ими в колониях было даже дешевле. В Британской

империи к ним относились гольф, плавание, регби, теннис, сквош, хоккей на траве, поло и крикет. Футбол же и атлетику англичане считали подходящими занятиями для коренного населения, передавая через них представления о своем превосходстве, дисциплинируя африканцев и поддерживая общественный порядок. Местные виды спорта вытеснялись на второй план [12, p. 513].

В Кении такая сегрегация нашла четкое отражение в школьном образовании: элитные виды спорта могли осваивать лишь дети представителей высших слоев европейского, редко – азиатского происхождения, но не субалтерны, у учебных заведений для которых не было необходимых ресурсов. Расовую природу имели и ассоциации, создававшиеся для управления элитными видами спорта: *Гольф-союз Кении* (1928), *Регби-союз* (1923), *Ассоциация крикета* (1896), тогда как *Любительская ассоциация легкой атлетики* (1951) или *Олимпийская ассоциация* (1954) были инклюзивными. Пик активности организаций такого рода пришелся на 1950-е гг., когда колониалистам стало нужно сдерживать национально-освободительное движение, отвлекая и контролируя население [6, p. 304–305]. Несмотря на эти усилия, в 1963 г. Кения получила независимость.

В колониях Французской империи местному населению не давали заниматься спортом до начала XX в. Лишь после Первой мировой войны французы стали считать спорт полезным с точки зрения массовой подготовки знаменитых сенегальских стрелков, которых к 1940 г. насчитывалось 180 тыс. При этом французы начинают вдохновляться физической формой местных и верить в их превосходство в этом аспекте. Колонизаторы даже приходят к выводу о критической роли физической подготовки для выживания и, ориентируясь на местное население, разрабатывают новые методы физического воспитания. В частности, французский офицер и инструктор Ж. Эбер участвовал в ликвидации последствий извержения вулкана Монтань-Пеле (Мартиника) 1902 г., после чего создал свой «естественный метод» [3, p. 114].

В 1921 г. в Алжире основывают первый футбольный клуб для мусульман *Mouloudia Club d'Alger*, годом позже в Париже боксер из Сенегала Б. Сики одерживает громкую победу над любимцем французской публики и чемпионом мира Ж. Карпантье. В 1928 г. выходец из Алжира Б. Эль-Уафи приносит Франции золотую олимпийскую медаль в марафоне. В это время под действием «мифа о черном атлете» начинает складываться традиция привлечения жителей колоний к выступлениям за метрополию. После триумфа афроамериканца Д. Оуэнса

³ В частности, футбол (абсолютный лидер), регби и гольф входят в десятку самых популярных видов спорта в мире: Top 10 Most Popular Sports In The World August 2022. *SportsBrowser*. URL: <https://sportsbrowser.net/most-popular-sports/> (accessed 15 Aug 2022).

⁴ Футбол и бадминтон лидируют в рейтинге видов спорта по количеству занимающихся: Top 10 Most Popular Participation Sports In The World. *Realbuzz Group*. URL: <https://www.realbuzz.com/articles-interests/sports-activities/article/top-10-most-popular-participation-sports-in-the-world/> (accessed 15 Aug 2022).

⁵ Africa. Traditional sports. URL: <http://www.traditionalsports.org/traditional-sports/africa.html?start=30> (accessed 25 Feb 2022).

на Олимпиаде в Берлине 1936 г., который, завоевав 4 золота, нанес мощный удар по гитлеровскому расизму, французские власти даже организуют специальные дни выявления талантов в Западной Африке [3, p. 115].

Одним словом, при колониализме спорт экспортировался из метрополий, вытесняя местные альтернативы, служил интересам белого человека и как инструмент социального контроля способствовал поддержанию имперских структур насилия, подчинению и эксплуатации субалтерна.

Национализация спорта

Декolonизация подстегивает процесс, который мы можем назвать *национализацией* спорта. Один из наиболее любопытных кейсов – история бадминтона, 2 по популярности вида спорта и практически религии местного населения в Индонезии. Этот спорт, возможно, имеет иные корни, но фаза его активного развития началась в Англии в последней четверти XIX в., а название произошло от названия поместья человека, придавшего непосредственный импульс этому процессу. В Индонезию его завезли колонизаторы-голландцы в начале XX в.⁶ Некоторые исследователи [9, p. 73] считают, что игра распространилась скорее благодаря контактам с малайзийскими китайцами и Сингапуром, хотя в эти государства бадминтон был также экспортирован белым человеком – британцами⁷.

К середине 1930-х гг. бадминтон распространился по всему острову Ява во многом благодаря своей развлекательной функции на ночных рынках. Центром же оставалась Джакарта, где в это время были образованы 2 соперничавшие ассоциации. Примерно в 1940 г. они объединились в *Bataviasche Badminton Unie* (BBU). Стоит отметить, что во всех этих организациях и игроки, и руководители были в основном китайского происхождения [9, p. 74].

Тогда спорт в целом был связан с индонезийским национально-освободительным движением и вносил свой вклад в сближение различных этнических групп. В начале 1930-х гг. были образованы первые независимые от колонизаторов союзы: корфбольный, футбольный и теннисный, а в 1938 г. появилась *Спортивная лига Индонезии* (ISI), призванная стать основным противовесом голландским спортивным организациям. Бадминтонного аналога «отраслевым» союзам не было и в национально-освободительном движении он играл намного менее важную роль, чем футбол, вероятно, по той причине, что был менее распространен среди голландцев и играли в него индивидуально, а не командами и чаще с представителями других колоний [9, p. 76–77].

Впрочем, в ISI, которая так или иначе существовала во время японской оккупации (1942–1945), был бадминтонный отдел. В 1942 г. его начальнику было дано задание национализировать бадминтон на уровне дискурса. Так появилось слово *bulutangkis*. После провозглашения независимости в 1945 г. на смену ISI пришел Спортивный союз Индонезии (PORI), уполномоченный президентом Сукарно развивать весь спорт в стране. Одним из условий членства в организации было наличие гражданства Индонезии, и поэтому объединение с наследником джакартского BBU завершилось лишь в 1950 г., а через год это подразделение перешло под контроль появившейся Федерации бадминтона (PBSI), в названии которой было закреплено изобретенное слово. Китайцы сохранили в нем ведущую роль, о чем свидетельствует тот факт, что до 1961 г. PBSI Jakarta располагалась в здании китайской социально-образовательной ассоциации [9, p. 78-79].

Вскоре Индонезия стала доминировать в мировом бадминтоне. Индонезийцы побеждали в мужском одиночном разряде на старейшем бадминтонном турнире *All England*, неофициально заменявшем Чемпионат мира (ЧМ) до 1977 г., 11 раз в 1968–1981 гг., 10 раз – в мужском парном в 1972–1984 гг.⁸ Ирония заключается в том, что своими успехами, источником подлинной национальной гордости, страна была обязана в большей степени игрокам китайского происхождения во главе с Р. Хартоно, единоличным рекордсменом по количеству выигранных *All England* с 8 титулами.

Как это соотносится с возможной эмансипацией субалтерна? Во-первых, преобладание этнических китайцев объясняется не только историческим фактором, но и экономическим: чтобы добиться выдающихся результатов, нужно тренироваться исключительно в помещении, что дороже и доступно не всем субалтернам-индонезийцам. Китайцы же зачастую могли рассчитывать на крупных спонсоров. Во-вторых, даже игроки международного класса китайского происхождения испытывали проблемы с гражданством, а значит, и правом выступать за рубежом. Например, И. Лай ждала решения по этому вопросу 4 года и получила сертификат о гражданстве лишь благодаря личному обращению к президенту, у Хендравана аналогичный документ утратил силу после выхода в финал Олимпийских Игр (ОИ) 2000 г. [9, p. 88, 84–85].

В-третьих, во времена авторитарного правительства «нового порядка» все эти игроки, по выражению К. Брауна, были «политически невидимыми». Лишь 2 случая более позднего периода можно назвать проявлением их голоса: письмо президенту Мегавати, подписанное

⁶ Badminton in Indonesia – History – Achievements. *Facts of Indonesia*. URL: <https://facts of indonesia.com/badminton-in-indonesia> (accessed 12 Mar 2022).

⁷ Looking at the history of badminton in the world and Indonesia, the sport that unites the nation. 25.03.2021. URL: <https://voi.id/en/memori/40627/looking-at-the-history-of-badminton-in-the-world-and-indonesia-the-sport-that-unites-the-nation> (accessed 11 Feb 2022).

⁸ Past winners of the all England open badminton championships. *National Badminton Museum*. URL: <https://www.nationalbadmintonmuseum.com/past-winners/> (accessed 12 Feb 2022).

в 2002 г. 36 действующими спортсменами и ветеранами, с требованием отмены сертификата о гражданстве (соответствующее решение было принято через 2 года) и обращение в *Legal Aid Foundation* в знак протеста против антикитайских беспорядков 1998 г. В-четвертых, бадминтон был не просто национализирован, а использован для консолидации политической власти. Еще президент Сукарно начал встречать бадминтонистов по возвращении на родину, вручать им медали и позировать с ними на фотографиях, а Сухарто уделял этому еще больше внимания, при этом постепенно внедряя военных на руководящие посты PBSI [9, p. 86, 89, 91, 92]. Опираясь на приведенные факты, мы предпочитаем рассматривать национализацию индонезийского бадминтона как пример перехода структур насилия в руки местного недемократического правительства и инструментализации спорта в целях консолидации государственной власти, пусть и способствовавший этнической интеграции и формированию национальной идентичности.

Рассмотрим кейс национализации футбола в Марокко, отличный от предыдущего с географической, политической и исторической точек зрения. Это североафриканское государство с монархической формой правления в прошлом было колонией Франции. Футбол был завезен в Марокко европейскими колонизаторами в конце XIX в., а особая роль в его национализации принадлежит Хасану II, правившему в 1961–1999 гг.

Будучи наследным принцем, Хасан II следил за профессиональным чемпионатом, болея за *Wydad Casablanca*, единственную команду, состоявшую только из марокканцев в эпоху колониализма. Он поддерживал связь с игроками, постоянно напоминая им об ответственности перед монархией. За период 1945–1970 гг. клуб 8 раз становился чемпионом страны⁹. В условиях запрета на политическую деятельность, *Wydad Casablanca* олицетворял сопротивление французам [13, p. 553].

После обретения независимости в 1956 г. Хасан II добился членства Марокко в *Конфедерации африканского футбола* (КАФ) и *Международной федерации футбола* (ФИФА), а также руководил комитетами, проектировавшими спортивные ассоциации, которые затем получили статус королевских учреждений (*Марокканская королевская федерация футбола*, FRMF). Это была мера по укреплению позиций монархии на фоне роста популярности левых сил. В 1959 г. монарх основал собственный клуб *Forces Armées Royales de Rabat* (FAR), находившийся в особом положении: он попал в профессиональный чемпионат, минуя низшие лиги, пользовался лояльностью судей. Другие клубы были вынуждены продавать FAR лучших игроков, а болельщики безнаказанно нападали

на фанатов противников, если игра заканчивалась хотя бы вничью. Король принимал непосредственное участие в управлении командой [13, p. 554].

Важно отметить, что Хасан II следовал принципу «разделяй и властвуй», раздавая клубы своим приближенным, особенно из числа военных, и поддерживая некую конкуренцию между ними. На национальном уровне у руля оказывались они же. Яркий пример – генерал Х. Бенслиман, назначенный командиром Королевской жандармерии после неудавшегося госпереворота 1972 г. Этот военный возглавлял FRMF в 1994–2009 гг., с 1993 г. руководил *Олимпийским комитетом Марокко*, параллельно занимая пост президента FAR (в молодости он даже был вратарем в королевском клубе), и оставил службу лишь в 2017 г.¹⁰

Дриссу «Мяснику» Басри, бессменному министру внутренних дел (1979–1999), безжалостно преследовавшему врагов монарха, с которым он мог сравниться по влиятельности¹¹, был отдан клуб *Nahdat Settati*, а *Kawkab Marrakesh* вместе с *Королевской ассоциацией легкой атлетики* возглавлял М. Медиури, начальник личной охраны Хасана II, спасший ему жизнь во время госпереворота 1972 г. Известен случай, когда главу FMRF полковника Д. Бамуса, поместили под домашний арест по решению короля, узнавшего от Д. Басри, что его команде засчитали техническое поражение из-за неявки на матч, которым он пожертвовал ради встречи королевской процессии [13, p. 553].

Подчеркнем, что футбольная политика Хасана II была ориентирована на основные внутри- и внешнеполитические проблемы. Если в первом случае многочисленной молодежи давали «выпустить пар» на трибунах (фанатов не трогали, даже когда выкрикивалось что-то антиправительственное), переключая ее внимание с тяжелого экономического положения на спорт, то во втором в фокусе оказывались Западная Сахара и Алжир, поддерживавший фронт ПОЛИСАРИО и дольше других государств региона (Мавритания, Мали) вовлеченный в территориальный спор с западным соседом [13, p. 555, 557, 559].

Помимо того, что в Западную Сахару был перебазирован отдельный футбольный клуб, аффилированный с вооруженными силами, король всерьез занялся сборной Марокко, превратив матчи с командой Алжира в главный инструмент формирования идентичности марокканцев и сведения счетов с соседом. Например, в декабре 1979 г. перед отборочным матчем на ОИ против Алжира Хасан II вызвал тренера в свой дворец и так долго давал ему указания, что тот едва не опоздал на игру. Под гнетом ответственности сборная потерпела разгромное поражение (1:5), а фанаты кричали: «Западная Сахара

⁹ Видад Касабланка. *Transfermarkt*. URL: <https://www.transfermarkt.ru/Видад-Касабланка/erfolge/verein/6603> (дата обращения: 13.02.2022).

¹⁰ Hosni Benslimane. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Hosni_Benslimane (accessed 14 Feb 2022).

¹¹ Driss Basri. *The Times*. 29.08.2007. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/driss-basri-g28mt7bmmj5> (accessed 15 Feb 2022).

наша, но где наша команда?». При этом Алжир оставался врагом (значимым Другим) и после матчей, а остальное отходило на второй план: за счет пробуждения сильных коллективных эмоций футбол оказывает на болельщиков практически то же влияние, что исполнение религиозного культа на верующих [13, р. 555, 557]. Констатируем, что эмансипации субалтерна в Марокко он не способствовал – скорее старые колониальные практики были использованы в своих интересах новым правительством во главе с королем; если субалтерн и подавал голос, то в четко заданных рамках.

Национализация спорта может проходить и иначе. Этот путь иллюстрирует, например, пусть и частный, но любопытный кейс петанка в Пондишери. Этот индийский регион был колонизирован в 1672 г. и оставался единственным французским владением после прихода британцев вплоть до 1956 г. (а официально – до 1962 г.) Уходя из региона, Франция предоставила местным жителям право на гражданство. Им воспользовались несколько тысяч тамилы, в основном из числа представителей низших каст или неприкасаемых, намеревавшихся служить в армии экс-метрополии. Возвращаясь в родные места после выхода на пенсию, они привозили с собой правила и инвентарь для игры в петанк [8, р. 2–3].

Игроки в петанк (практически 100 % – мужского пола) стали делиться на 2 основные группы: обеспеченные пожилые французы тамильского происхождения и бедные молодые индийцы (субалтерны). Вторые адаптировали игру под свои нужды: количество игроков в командах выросло с традиционных 3 до 5–6; стали использоваться разные мячи вместо стандартных; количество очков, которое нужно набрать для победы, не изменилось (в отличие от международного стандарта). Они выработали свой стиль игры, неправильный по мнению французов тамильского происхождения. Во время игры принято общаться на тамильском, но сохранились и некоторые французские термины: *bouchon* – маленький мячик, как можно ближе к которому нужно попадать большими, *мсье* – обращение к французам. Можно сказать, произошла гибридизация спортивной практики [8, р. 6–7].

В то же время с помощью петанка французы пытаются реинтегрироваться в общество, от членства в котором (и его кастовой системы) в свое время отказались, и занять при этом особое положение. Делают они это тремя путями. Самые богатые часто демонстративно дистанцируются от местных игроков, осуждая их игру, ругань (заодно и свое давнее прошлое), не отрицая, что могут играть с друзьями, и входят в круги местных элит, для которых они символизируют западную культуру. Другие, достаточно обеспеченные и мастеровитые, тоже смотрят на бедных индийцев свысока и никогда не берут денег (спорт ради спорта), хотя могут участвовать в таких партиях, отдавая выигрыш

товарищам по команде. Третьи, чье финансовое положение скромнее, чем у первых двух групп, но все же лучше, чем у субалтернов, вынуждены играть только на деньги, причем на приличные суммы, платить за участие смешанных команд в турнирах [8, р. 7–9]. Сохраняются старые колониальные отношения, где субалтерну отведена роль пассивного субъекта.

Таким образом, в обретших независимость колониях ключевые виды спорта, зачастую способствовавшие национально-освободительному движению, инструментализировались новым руководством в целях консолидации власти путем создания позитивной ассоциации с успехами национальных сборных и укрепления общенациональной идентичности (Индонезия, Марокко)¹². При этом постепенно устанавливался жесткий контроль над спортом в его внутринациональном измерении, в первую очередь посредством назначения военных на руководящие посты в федерациях. Суть структур насилия оставалась неизменной. Когда национализация происходит на ограниченном пространстве и без вовлечения власти (Пондишери), могут возникать любопытные модели взаимоотношений представителей бывших колонии и метрополии, однако даже при гибридизации спортивной практики не происходит эмансипации субалтерна, который может лишь получить экономическую выгоду в обмен на признание превосходства Другого.

Интеграция в спорте

Наиболее впечатляющими с точки зрения эмансипации субалтерна и подрыва структур насилия выглядят процессы, которые можно охарактеризовать как *интеграционные*. Они стали развиваться параллельно с национализацией после обретения колониями независимости и вначале имели огромное символическое значение.

Распространилась практика проведения небольших футбольных турниров с участием команды страны, получившей свободу. В 1964 г. такое состязание было организовано Малави. К участию были приглашены сборные Танзании и Замбии, и, несмотря на сокрушительное поражение от последней в финале (со счетом 0:5), именно день его проведения стал Днем независимости Малави – 6 июля. В этом же году Замбия отметила обретение независимости подобным турниром. Хозяева соревновались с Кенией, Угандой и Ганой, которая в финале обыграла принимающую страну со счетом 4:3. Западноафриканские государства (Того, Нигерия) тоже взяли эту практику на вооружение [14, р. 1264–1265].

Чтобы добиться признания развития футбола на континенте и влиять на глобальное управление, в центре которого находилась ФИФА с европейским и латиноамериканским руководством, в 1957 г. независимыми Суданом, Египтом, ЮАР и Эфиопией была основана КАФ.

¹² Помимо рассмотренных кейсов, такая политика особенно активно проводится в Камеруне, стране с тройным колониальным прошлым и с рекордными для Африки 7 выходами в финальную часть ЧМ [7].

Возглавил ее египтянин А. А. Салем, первый член Исполнительного комитета ФИФА из Африки¹³. В том же году новая организация провела первый *Кубок африканских наций*, не допустив к участию южноафриканскую команду, состоящую в разгар апартеида из одних белых игроков. Такое решение – серьезный шаг вперед с точки зрения эмансипации субалтерна, которого отныне представлял не белый человек, а собственный орган.

Другим успехом КАФ можно считать предоставление сначала одной (1970 г.), а затем двум странам (1982 г.) возможности защищать честь континента на ЧМ. Первой путевки для материка КАФ добилась коллективным бойкотом ЧМ 1966 г., на который могла поехать только одна сборная из Африки, Азии и Океании, вместе взятых¹⁴. Вторая досталась проще: в 1982 г. число участников заключительной стадии ЧМ увеличили с 16 до 24, а африканские команды показывали неплохую игру. По этим причинам квота для африканских стран постепенно выросла до 5.

Еще более громких побед в борьбе за эмансипацию чернокожего субалтерна африканские страны добились на мировом уровне. Несмотря на симпатии части спортивной бюрократии, в основном западной, к правительству апартеида, в 1964 г. под давлением КАФ и главного спортивного органа континента *Supreme Council for Sport in Africa* (SCSA) ЮАР была наконец отстранена ФИФА, куда смогла вернуться лишь в 1992 г., начав ликвидацию сегрегации. Затем ЮАР запретили участвовать в международных турнирах по крикету и теннисном *Кубке Дэвиса*¹⁵.

Однако, главный результат солидарного давления организаций, защищавших интересы субалтерна, – недопуск Южной Африки на ОИ 1964 г. в Токио. Когда 4 года спустя стране позволили вернуться в Олимпийское движение, все 32 государства откликнулись на призыв SCSA бойкотировать игры 1968 г. в случае участия ЮАР. Их поддержали и в коммунистическом блоке, и в арабском мире, и в Карибском бассейне. Приглашение ЮАР было отозвано. В ответ, в том числе пытаясь успокоить своих спортсменов, правительство апартеида решило организовать *Южноафриканские игры* с участие белых команд, но большинство приглашенных стран участвовать отказалось опять же благодаря консолидированной позиции африканцев, угрожавших бойкотом ОИ в Мюнхене и Игр Содружества. В 1970 г. решением МОК ЮАР исключили из Олимпийского движения [14, p. 1270–1271].

Бывшие колонии сосредотачивались не только на ЮАР, последовательно придерживаясь своих принципов. Когда в 1965 г. белое правительство Родезии в одностороннем порядке провозгласило независимость от Великобритании, не выполнив условие NIBMAR (*No Independence Before Majority Rule*), а де-факто (хоть и не де-юре) права чернокожего населения ущемлялись, 53 африканских страны были возмущены и согласились участвовать в ОИ 1972 г. в Мюнхене только после отзыва приглашения Родезии. Вариант МОК, по которому родезийцы выступили бы с британскими паспортами, был решительно отвергнут [14, p. 1271]. Страна вернулась в Олимпийское движение лишь в 1980 г., сменив правительство и став Зимбабве.

И все же самому масштабному бойкоту ОИ было суждено состояться. На игры 1976 г. в Монреале не приехали 30 африканских стран: МОК не прислушался к ним и допустил Новую Зеландию, регбийная сборная которой в том же году провела серию матчей с южноафриканскими командами. Таким образом, выступая единым фронтом, освободившиеся африканские страны получили возможность доносить голос субалтерна до мирового сообщества, эффективно отстаивать его права и подрывать монополию бывших метрополий на глобальные структуры насилия.

Середина 1960-х гг. была ознаменована попыткой бывших колоний противопоставить западно-центричному МОК свои крупномасштабные соревнования. Когда членство Индонезии в МОК было приостановлено за невыдачу виз израильским и тайваньским спортсменам, планировавшим участвовать в Азиатских играх, президент Сукарно предложил провести «антиимпериалистические» игры, известные как *Games of the New Emerging Forces* (GANEFО). Они прошли в ноябре 1963 г. в Джаркарте при мощной финансовой поддержке КНР. Несмотря на угрозы МОК не допустить участников GANEFО на ОИ, на первые приехало порядка 2400 атлетов из 51 страны Африки, Азии, Латинской Америки и Европы, включая СССР. В странах первого и третьего мира в основном это были члены рабочих спортивных организаций, второго – представители неолимпийских видов спорта или спортсмены, не проходящие в олимпийскую команду. В программу включили 20 видов спорта, различная символика напоминала ОИ¹⁶. Но вторым GANEFО состояться было не суждено по разным причинам, среди которых – оппозиция Запада, разногласия между участниками, снижение интереса основного

¹³ CAF History. CAF. URL: <https://www.cafonline.com/about-us/caf-history/> (accessed 6 Mar 2022).

¹⁴ Pourquoi l'Afrique est sous-représentée à la Coupe du monde de football. *Franceinfo: Afrique*. 13.06.2018. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/societe-africaine/pourquoi-l-afrique-est-sous-representee-a-la-coupe-du-monde-de-football_3054325.html (accessed 6 Mar 2022).

¹⁵ Defining Moment: South Africa is suspended from world football, Sep 1961. *Financial Times*. 22.08.2009. URL: <https://www.ft.com/content/bfdc8150-8c57-11de-b14f-00144feabdcd> (accessed 7 Mar 2022).

¹⁶ What were the games of the new emerging forces (GANEFО)? *WorldAtlas*. URL: <https://www.worldatlas.com/articles/what-were-the-games-of-the-new-emerging-forces-ganefo.html> (accessed 13 Mar 2022).

донора и возвращение Индонезии в МОК. Этот кейс иллюстрирует, что государства, обладая практически монополией на представление интересов местных субалтернов, все же ставят на первое место не их интересы, а свои; не готовы вести реальную борьбу за установление не-Западных правил, воспринимая спорт в инструментальном ключе.

Что же происходит на интеграционном направлении сейчас? Недавно КАФ объявила о создании своей *Суперлиги*, которая, как ожидается, заменит африканские аналоги *Лиги чемпионов УЕФА* и *Лиги Европы*. Суть проекта такова: континент разделят на 3 зоны (северная, западно-центральная, юго-восточная), в каждой из которой 8 сильнейших команд проведут по 2 встречи друг с другом по круговой системе, затем 5 лучших из каждой зоны и одна 6-я разыграют титул по олимпийской системе. За участие все клубы получают по 1 млн долларов, победитель – 10 млн, что, по замыслу организаторов, поправит дела команд из Тропической Африки, все сильнее страдающих от утечки игроков в Европу (сильнейшие же лиги на 2022 г. – марокканская, египетская, тунисская и алжирская)¹⁷. ФИФА поддержала КАФ, пообещав помочь с поиском спонсоров¹⁸. На наш взгляд, этот вектор развития свидетельствует о сохранении зависимости африканского футбола от центров силы мирового футбола, по-прежнему ориентированных на Европу, а также о перспективе закабаления беднейших команд новыми спонсорами.

На глобальном уровне по-прежнему нет альтернативы МОК, владеющему правами на ОИ. Если среди членов этой организации (а они выступают в личном качестве, не делегируются государствами) наблюдается достаточное разнообразие, то ее президентом с момента создания в 1894 г. лишь однажды был неевропеец Э. Брендедж родом из США (1952–1972). Состав Исполнительного комитета, который управляет делами МОК на регулярной основе, на 2022 г.¹⁹ тоже выглядит неуравновешенным: из 15 человек 6 – европейцы, 1 из Арубы (остров, входящий в состав Королевства Нидерландов), 1 с Фиджи (о зависимом положении этого государства говорится ниже), 1 австралиец. Африку представляет только 1 человек.

Хотя Сессия, проводящаяся не реже 1 раза в год – высший орган МОК и ее решения окончательны, к важным функциям Исполнительного комитета относится подготовка повестки дня для Сессии, нормативное регулирование организации ОИ, управление финансами МОК,

организация процедуры отбора кандидатов на проведение ОИ, проработка возможных изменений Олимпийской хартии. Официальными языками МОК остаются английский и французский. Приведенные выше факты коррелируют с тем, что ОИ еще ни разу не проходили в бывших колониях в Африке и Азии²⁰ (за исключением с некоторыми оговорками Кореи).

МОК – некоммерческая организация, 73 % бюджета которой поступают с продажи прав на трансляцию ОИ. 90 % своего дохода она возвращает в спорт. Часть средств идет на организацию ОИ, другая – международным федерациям и Всемирному антидопинговому агентству, еще одна – особо нуждающимся национальным олимпийским комитетам и спортсменам по программам «Олимпийской солидарности». В Рио в 2016 г. выступили 815 стипендиатов от 171 комитета и завоевали 101 медаль²¹. На наш взгляд, налицо зависимое положение субалтерна, которому нужно играть по правилам, установленным западноцентричной структурой насилия, чтобы рассчитывать на какие-либо успехи на международном уровне. Не говоря о национальных комитетах.

В разгар деколонизации на интеграционном направлении наблюдались существенные успехи, в особенности в самом популярном виде спорта в Африке – футболе: символические международные турниры в честь обретения независимости (Малави, Замбия, Нигерия) переросли в независимую африканскую организацию (КАФ), которая смогла взять на себя проведение континентального первенства со своими «правилами игры» (недопуск ЮАР) и лоббировать интересы субалтерна на мировом уровне (отстранение ЮАР ФИФА, выделение первых путевок на ЧМ африканским сборным). Однако на данный момент можно констатировать экономическую зависимость КАФ от западноцентричных структур при попытке избавиться от культурной гегемонии (новый формат соревнований сильнейших клубов континента). На олимпийском треке важными вехами с точки зрения эмансипации субалтерна стало отстранение ЮАР и Родезии благодаря угрозе коллективных бойкотов, проведение альтернативных игр – GANEFO. Если анализ состава Исполнительного комитета МОК подтверждает его ориентацию на Запад, то статистика стипендиатов МОК свидетельствует о зависимом положении субалтерна. Таким образом, он зависит и от своего государства (национальные комитеты, воля к установлению альтернативных правил), и от мировых центров силы (МОК, ФИФА).

¹⁷ Super League CAF: quels clubs prendront part à la compétition? *Foot Africa*. 13.02.2022. URL: <https://foot-africa.com/super-league-caf/> (accessed 19 Feb 2022).

¹⁸ Comment fonctionnera la future Super League africaine? *Foot Mercato*. 14.02.2022. URL: <https://www.footmercato.net/a3095735378905787937-comment-fonctionnera-la-future-super-league-africaine> (accessed 19 Feb 2022).

¹⁹ IOC Executive Board. *International Olympic Committee*. URL: <https://olympics.com/ioc/executive-board> (accessed 5 Mar 2022).

²⁰ Столицы олимпийских игр. Архивы Санкт-Петербурга. URL: https://spbarchives.ru/2014_2_7/-/asset_publisher/V5LucsrSvTYX/content/id/431301 (accessed 5 Mar 2022).

²¹ Funding. *International Olympic Committee*. URL: <https://olympics.com/ioc/funding> (accessed 5 Mar 2022).

Коммерциализация спорта

Другие процессы, протекающие в постколониальном спорте, мы можем обобщить термином *коммерциализация*, имея в виду растущую роль финансовой составляющей, основы новых структур насилия. После обретения независимости Кения стала получать значительные суммы от ФРГ по программе *Sport and Development Aid*, вместе с ними в страну поставлялись тренеры и советники. На средства КНР там был выстроен, а позже отремонтирован *Moi International Sports Centre*, принявший Всеафриканские игры 1987 г. Руководящий орган легкой атлетики (АК) спонсируется *Nike* (1,6 млн долларов ежегодно), а *Федерации футбола* (КФФ) было выделено \$400 тыс. на постройку спортивного объекта в Найроби в рамках *FIFA Goal Project*, причем по правилам ФИФА, правительство страны не должно вмешиваться в ее отношения с федерациями, из-за чего к делу был привлечен *Court of Arbitration for Sport* [6, p. 308, 305–306].

На рубеже 1980–1990-х гг. во многих африканских странах наблюдался экономический кризис и им на помощь пришли международные финансово-экономические организации. Их реформы и меры жесткой экономии не исправили ситуацию, зато в сфере спорта открыли дорогу неправительственным организациям (НПО): правительствам было не до него. В центре деятельности этих НПО был спорт как инструмент обеспечения мира и развития (SDP), но, главное, они финансировались из западных источников и доноры активно влияли на их повестку дня, решения и реализацию программ. Поэтому некоторые исследователи видят в SDP тенденции колониализма [14, p. 1275–1276], упрекают в претензии на универсальность и нормативность, ориентации на западную аудиторию и сохранении иерархий [1, p. 212]. Даже если эти оценки не полностью справедливы, очевидно, что эмансипации субалтерна с помощью этих программ не происходит и его голос не учитывается авторами проектов – сохраняется неокOLONIALНЫЙ дискурс развития-отсталости.

Сложно не упомянуть спортивную миграцию. Силу ей придают сразу несколько факторов. Во-первых, это безработица и проблемы с обеспечением семьи во многих бывших колониях, пострадавших от внедрения рыночной экономики, либерализации и выхода женщин на рынок труда. Основной удар приняли на себя мужчины, в том числе из-за традиционных представлений о маскулинности и соответствующих ожиданий. Во-вторых, в массовой культуре, экспортируемой экс-метрополиями, спорт представляется как нечто гипермаскулинное и представляющее возможность самовыражения и вовлечения в мировое сообщество при своего рода исключении из местного, шанс добиться успеха [15, p. 850–851].

Показательный пример – островные государства Океании, экспортирующие регбистов в сильные, прибыльные лиги: новозеландскую, австралийскую, американскую, французскую. Необходимость спортивной эмиграции в этом регионе закрепилась как на уровне массового сознания, так и официальной политики. В Тонга и Самоа работа в индустриальных странах считается практически обязательной (*de rigueur*) для молодых мужчин, особенно если они хотят добиться более высокого социального статуса и позаботиться о семье: говоря о переезде, люди используют культурный концепт, означающий *любовь, сочувствие, жалость*. Экономика этих государств крайне зависима от перечислений эмигрантов: на 2020 г. Тонга занимает 1 место в мире по их доле в ВВП с 39 %, Самоа – 14 с 19 %²², что в 3,6 раза больше среднемирового показателя.

Разумеется, трудоустройство в спорте воспринимается как более удачный вариант, чем работа на низкооплачиваемых позициях, не требующих специальных знаний и образования. В Корпоративном плане министерства обучения, занятости, молодежи и спорта Тонга на 2007–2012 гг. есть такая формулировка: «Ясно, что жители Тонга – хорошие спортсмены и спортсменки и при правильном подходе тренеров могут преуспеть в выбранном виде спорта. Талантливые спортсмены могут экспортироваться при помощи агентов в зарубежные страны»²³ [15, p. 854–855].

Поистине масштабной стала миграция футболистов из африканских стран, особенно северных и западных, во Францию. В сезоне 2021–2022 в топ-9 экспортеров игроков в *League 1* попало 6 из них (все – бывшие французские колонии): Сенегал (30 человек), Мали (21), Алжир и Кот-д'Ивуар (по 15), Камерун (14), Марокко (12). Для сравнения: оставшиеся 3 лидера – Бразилия (27), Португалия (15) и Нидерланды (14)²⁴. О торжестве капитализма говорит тот факт, что даже изначально взывшие футбол под жесткий контроль государства санкционировали эту миграцию (в Алжире в 1962–1991 гг. выезд игроков был сопряжен с массой трудностей, а иногда и невозможен [4, p. 957–958]), постепенно передавая руководство им в частные руки (Марокко при Мухаммеде VI [13, p. 549]).

Экс-метрополии при этом нельзя назвать пассивными реципиентами футболистов. Например, в Гане новые академии европейских клубов, призванные отыскивать местные таланты, открываются едва ли не каждый день. Они не испытывают недостатка в желающих заниматься. Конечно, ганских мальчиков вдохновляет А. Гьян и ему подобные, но нельзя не учитывать и подтолкнувшее

²² Remittances, percent of GDP. Country rankings. *The Global Economy*. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/remittances_percent_gdp/#Samoa (accessed 20 Feb 2022).

²³ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

²⁴ 2021–2022 Ligue 1 Nationalities. *FBref*. URL: <https://fbref.com/en/comps/13/nations/Ligue-1-Nationalities> (accessed 13 Mar 2022).

их к такому выбору разочарование в системе образования и рынке труда страны. Реформы, навязанные западноцентричными Всемирным банком и Международным валютным фондом, подорвали бюрократию, пополнить ряды которой для них было бы лучшим вариантом [15, р. 853–854].

Капиталистическая логика эксплуатации подтверждается и отрывом местного капитала от субалтерна. К примеру, в Камеруне действует академия *Kadji Sport Academy*, основанная сыном владельца одной из крупнейших пивоварен. За первые 10 лет работы в Европу было отправлено 40 ее игроков, включая знаменитого С. Это'о. В Гвинее местный профессионал музыкального бизнеса А. Диаби зарегистрировал агентство *Football Afric Management* и занялся постройкой своей академии. В Гане африканский подрядчик создал агентство *Global Soccer Management*, ведущее дела ряда игроков со всего континента [16, р. 6–8].

Миграция не обошла стороной и индонезийских бадминтонистов. Основными местами назначения для них стали Китай, Сингапур и Гонконг. Хотя к причинам переезда можно отнести и проблемы с гражданством и правами китайского меньшинства в Индонезии, и личные соображения (М. А. Тжиптаван перебралась в Нидерланды, выйдя замуж за голландца; Т. Гунаван уехал в США учиться), в 1990-е гг. на первый план вышли высокие зарплаты. Причем можно сказать, что Сингапур в большей степени пытался «купить» спортсменов для крупных командных состязаний, чем они – «продать» себя [9, р. 82–84]. В результате позиции Индонезии как лидера мирового бадминтона пошатнулись, субалтерн же не стал свободнее – лишь стал в большей степени зависеть от «ядра» капиталистической мир-системы²⁵, чем от своего государства.

Зависимость выражается, например, в том, что на глобальном уровне спорт субалтерна не представлен и он бывает вынужден заниматься тем, что противоречит его культуре, или подстраивать ее под прихоти «хозяев спорта». В первом случае приходит на ум западноафриканский народ фульбе, кодекс чести которого не позволяет мужчинам (не говоря о женщинах) носить шорты, а бег воспринимается как детское развлечение или спасение бегством (негативная коннотация). В результате легкоатлеты-профессионалы могут закончить карьеру, женившись, т.к. их занятие становится совершенно недостойным, а женщины-спортсменки практически лишены возможности прославиться [3, р. 115, 118]. Очевидно одно: приемлемый для фульбе спорт не интересует «ядро», тем более что кенийцы или эфиопы таких предрассудков лишены и готовы принять его правила.

Во втором случае в пример можно привести регбистов с островов Океании. В деревнях мальчиков с детства приобщают к гипермаскулинной культуре регби во время игр со старшими в деревнях и через просмотр матчей, которые проводят выходцы из их родных стран за рубежом. Затем регбисты, выступающие за сборные Фиджи, Самоа и Тонга, начинают исполнять традиционные устрашающие боевые танцы перед матчами. Они призваны не только произвести впечатление на соперника, но и «продать» игроков в зарубежные команды, болельщики которых это ценят. Таким образом, спортсмены оказываются вынуждены поддерживать колониальный дискурс о воинственном дикаре-островитянине и апеллировать к «правильной» части своей культуры [15, р. 855–857].

В результате коммерциализации спорта в бывших колониях стала доминировать экономическая логика, зачастую приводящая к ослаблению государственного регулирования спорта (Алжир, Марокко), принятию (Индонезия) и даже открытому стимулированию спортивной эмиграции (островные государства Океании). Эта же логика в совокупности с обретенной независимостью привлекла в экс-колонии как новые государства, обладающие достаточными ресурсами (ФРГ, КНР), так и представителей частного сектора (Nike), международные НПО (ФИФА, авторы программ SDP). Деятельность этих акторов поддерживает культурную гегемонию Запада и вынуждает субалтерна встраиваться в прежний дискурс и соблюдать «правила игры» (миграция) либо оставаться за пределами спорта (народ фульбе) – реальной эмансипации не происходит. Местные экономические элиты (Западная Африка) встраиваются в мировую капиталистическую систему и используют спортсменов-субалтернов как источник прибыли.

Подъем азиатских стран

В последние годы все больше внимания привлекают «цветные» спортсмены. Красноречивее всего об их успехах свидетельствует рейтинг самых высокооплачиваемых спортсменов 2021 г., составленный журналом *Forbes*²⁶. Лишь 3 девушек из 10 можно отнести к белым: гольфистку Н. Корду из США, австралийскую теннисистку Э. Бартти и ее коллегу из Испании Г. Мугурусу. При этом еще четверо из них афроамериканки: гимнастка С. Байлз, экс-звезды тенниса сестры Уильямс и баскетболистка К. Паркер. Оставшиеся 3 – бадминтонистка П. В. Синдху, гольфистка Д. Я. Ко и теннисистка Н. Осака – выходцы из Индии, Кореи и Японии.

Виды спорта последних троих имеют западные корни, а национальность игроков подчеркивается во время трансляций. Если Япония сама была империей, а колониальное прошлое Кореи сводится к 35 годам японского господства

²⁵ Капиталистическая мир-система – термин, характерный для неомарксистского анализа современных международных отношений и связанный в первую очередь с именем И. Валлерстайна. Подход емко и содержательно освещен в работе профессора Г. А. Дробот [18].

²⁶ Forbes назвал 10 самых высокооплачиваемых спортсменов мира. *Forbes*. 13.02.2022. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/452421-forbes-nazval-10-samyh-vysokooplacivaemyh-sportsmenok-mira> (дата обращения: 09.02.2022).

(1910–1945), то Индия – классический центр интересов исследователей-постколониалистов. Можно ли отнести П. В. Синдху к субалтернам? Насколько об этом позволяют судить англоязычные источники²⁷ – скорее да, чем нет. Она родилась в семье волейболистов, выступавших за сборные Индии, про отца также известно, что он работал на железной дороге. Не говоря об огромном объеме работы на тренировках, в подростковом возрасте она проходила 56 км в день от дома до тренировочного центра.

В оценке эмансипации серебряного призера Рио и бронзового призера Токио нужно быть осторожными. По подсчетам *Forbes*, в 2021 г. на корте П. В. Синдху заработала всего 2,8 % своих доходов (\$0,2 млн). Остальные \$7 млн она получила от различных спонсоров. Среди последних выделяется китайский спортивный гигант *Li-Ning*, с которым П. В. Синдху связывает 4-летний контракт приблизительно на \$6,7 млн²⁸. Кроме того, у бадминтонистки есть соглашения с *Bank of Baroda*, *Bridgestone Tyres*, *Visa India*, *Google*, *Pooja Developers*, *Stayfree*, *PNB Metlife*, *Sharechat* и *Vizag Steel*²⁹. Вышесказанное свидетельствует если не о прямой эксплуатации спортсменки-субалтерна меняющимся «ядром» мирового капитализма, то о сдерживании ее голоса и сохранении зависимого положения. Ведь крупные корпорации с легкостью разрывают отношения и с более именитыми спортсменами³⁰, а 3,1 млн подписчиков в *Instagram*³¹ в большей степени служат плацдармом для выполнения обязательств по рекламе партнеров.

Расцвет азиатского спорта можно наблюдать, например, в женском гольфе. Если в 2000 г. в список 50 лучших гольфисток сильнейшего в мире LPGA Tour по среднему количеству ударов за раунд³² входили всего 3 кореянки, то по итогам 2021 г. в нем находится 17 азиаток: 10 кореянок, 4 тайки, 2 японки и 1 китайка. Отметим, во-первых, что не стоит объяснять изначальную недопредставленность не-Запада закрытостью организации

с американской пропиской: еще в 1968 г. к туру присоединилась первая иностранка; во-вторых – что колониального прошлого у этих стран практически нет. Параллельно стремительно растет и число турниров, которые проводятся в Азии. В 2000 г. гольфистки могли лишь однажды посетить Японию³³, в то время как 22 года спустя азиатские страны принимают 6 соревнований³⁴ (общее число турниров тура при этом даже сократилось с 36 до 34).

Другое измерение, в котором прослеживается подъем азиатских стран – рост спортивных производителей. В частности, в 2019 г. китайская компания *Anta Sports Products Limited* заняла 3 место в списке ведущих корпораций индустрии по рыночной капитализации³⁵ после *Nike* и *Adidas*. Эта фирма, основанная в 1991 г., владеет такими марками, как *Fila*, *Wilson*, *Suunto*, *Salomon*, *Descente* (всего порядка 25). Ее успешность лучше всего резюмирует фраза специалистов из *GMT Consulting*: «Либо этой компании нет равных в мире по уровню управления, либо это обман»³⁶.

На 5 месте в том же рейтинге расположилась китайская корпорация *Li-Ning*, созданная в 1990 г. гимнастом мирового уровня Л. Нином. Компания спонсирует целый ряд профессиональных спортсменов, в том числе в США. Самым громким контрактом стало соглашение, подписанное в 2006 г. с Ш. О'Нилом. Кроме того, корпорация – спонсор *Олимпийского комитета Индонезии* и *Мексики*, ранее сотрудничала с испанскими *Севильей* и *Эспаньолом*, *NBA* и *АТР*³⁷. Вне всякого сомнения, *Li-Ning* принадлежит к числу лидеров индустрии бадминтона.

Топ-6 замыкает тайваньская компания *Feng Tay Enterprises Co., Ltd.* Ее история более богатая: она появилась в 1971 г. и занималась производством обуви. Затем начали использоваться передовые европейские технологии и зародилось стратегическое партнерство с *Nike*. В конце 1980-х гг. были открыты фабрики в других азиатских странах, с 2006 г. компания выпускает высокотехнологичные мячи для гольфа и футбола, хоккейную экипировку³⁸.

²⁷ Who is P. V. Sindhu? India's badminton star who made history with silver at Rio Olympics. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/sport/olympics/pv-sindhu-tokyo-olympics-badminton-b1891940.html>; P. V. Sindhu biography: age, family, education, badminton career, awards, Tokyo 2020 Olympics and more. *Jagran Josh*. 02.08.2021. URL: <https://www.jagranjosh.com/general-knowledge/pv-sindhu-biography-1594009223-1> (accessed 9 Feb 2022).

²⁸ P. V. Sindhu net worth, endorsements, salary (Updated 2019). *KreedOn*. URL: <https://www.kreedon.com/pv-sindhu-net-worth/> (accessed 9 Feb 2022).

²⁹ P. V. Sindhu's brand value set to soar post Olympic medal win. *Mint*. URL: <https://www.livemint.com/industry/media/pv-sindhu-s-brand-value-set-to-soar-post-olympic-medal-win-11627929703387.html> (accessed 9 Feb 2022).

³⁰ См. кейс легендарного гольфиста Тайгера Вудса после семейного скандала, напр.: Тайгер Вудс остался без часов. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1686077> (дата обращения: 27.02.2022).

³¹ Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization*.

³² Scoring Average. *LPGA*. URL: <https://www.lpga.com/statistics/scoring/scoring-average?year=2021> (accessed 27 Feb 2022).

³³ 2000 LPGA Tour. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2000_LPGA_Tour (accessed 27 Feb 2022).

³⁴ 2022 Tournament Schedule. *LPGA*. URL: <https://www.lpga.com/tournaments> (accessed 27 Feb 2022).

³⁵ World top 25 sports goods companies list by market cap as on 7 Nov 2019. *Value.Today*. URL: <https://www.value.today/company-products/sports-goods> (accessed 27 Feb 2022).

³⁶ Anta everywhere. *PANDA!YOO*. URL: <https://pandayoo.com/2020/03/25/anta-everywhere/> (accessed 07 Mar 2022).

³⁷ Li-Ning. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Li-Ning#cite_note-20 (accessed 07 Mar 2022).

³⁸ Our History. *Feng Tay Group*. URL: <https://www.fengtay.com/en> (accessed 07 Mar 2022).

Отметим, что кроме этих транснациональных корпораций (ТНК) существуют компании с меньшей капитализацией, задающие тон в отдельных видах спорта. Например *Yonex*, японская компания, созданная в 1946 г. – бренд, ракетку которого еще 5 лет назад предпочли бы 80 % профессиональных бадминтонистов³⁹ (теннисисты ему тоже доверяют, но не настолько массово). Компания спонсирует *All England* и входит в число партнеров *Всемирной федерации бадминтона*. Многие гольфисты отдают предпочтение японской *Honma*, открывшейся в 1959 г. – единственной компании полного цикла производства, делающей ставку на премиальные высокотехнологичные товары «с ноткой искусства»⁴⁰. Нельзя не упомянуть японскую компанию *Sumitomo Rubber Industries*, основанную в 1909 г. Корпорация владеет марками *Srixon* (выбор многих игроков *PGA Tour*), *XXIO*, *Cleveland Golf*, *Dunlop*, рассчитанными на гольфистов разного уровня подготовки и с разным бюджетом. Список можно продолжить.

Итак, о росте влияния Азии в мировом спорте можно судить по появлению 3 представительниц этого региона в десятке самых высокооплачиваемых спортсменов журнала *Forbes*, увеличению числа гольфисток азиатского происхождения в топ-50 сильнейшего тура мира по среднему количеству ударов за раунд за 21 г. практически в 6 раз и увеличению количества турниров *LPGA*, проводимых в Азии в 6 раз. Также на это указывает завоевание азиатскими ТНК половины топ-6 рейтинга ведущих корпораций спортивной индустрии по рыночной капитализации. Эти успехи коррелируют с высокими темпами экономического роста в регионе, однако для установления однозначной причинно-следственной связи необходимо проведение дальнейших исследований с использованием статистических методов. Важно, что прогресс наблюдается в положении стран без традиционного колониального прошлого. При этом, как показывает анализ доходов индийской бадминтонистки номер 1, попадающей в категорию субалтернов, П. В. Синдху, нет оснований полагать, что этот сдвиг приводит к эмансипации последних. Положение субалтерна может улучшаться вследствие конкуренции между западными и незападными брендами (право выбора), но общий принцип действия капиталистической системы остается неизменным.

Заключение

Современный спорт мирового уровня в основном плод колониализма: он экспортировался белым человеком и использовался в своих целях, т.е. субалтерн выступал в качестве пассивного субъекта-реципиента. Во время борьбы за независимость спорт мог способствовать освобождению колоний, однако либо сразу (Марокко), либо постепенно (Индонезия) над ним устанавливался все

более жесткий контроль. При этом новые власти стремились как укрепить свои позиции, так и сплотить население, отвлекая его от насущных проблем – новая инструментализация и структуры насилия по образцу старых при сохранении пассивной роли субалтерна.

В то же время новые правительства использовали спорт для отстаивания интересов субалтерна (борьба с расизмом в масштабах Африканского континента и Олимпийских игр; отстаивание права на справедливое представительство на ЧМ), хотя эта политика не была самоцелью, о чем свидетельствует быстрый закат GANEFO. Постоянно росло количество структур, от которых зависел субалтерн: правительства страны происхождения, страны выступлений (миграция), страны-спонсора (ФРГ, КНР), международные организации (западноцентричный МОК, оказывающий финансовую поддержку и владеющий правами на ОИ), ТНК (Nike, Li-Ning). Импульс этому процессу придала растущая коммерциализация спорта и экономические кризисы во многих бывших колониях, которые, естественно, не способствовали ликвидации дискурса развития-отсталости и сопутствующих структур насилия. Сохранилась и культурная гегемония «ядра», что вынуждало субалтернов либо подстраивать свою культуру под ожидания Другого (регбисты Океании), либо отказываться от самого спорта (народ фульбе).

Последним трендом можно назвать расширение «ядра» за счет азиатских стран, что выражается в завоевании азиатскими ТНК половины топ-6 рейтинга ведущих корпораций спортивной индустрии по рыночной капитализации. Азиатские игроки начинают добиваться успеха в сильнейших турах (*LPGA*) и рейтинге самых высокооплачиваемых спортсменов *Forbes*, что, впрочем, не эквивалентно эмансипации азиатского спортсмена-субалтерна (П. В. Синдху). Корреляция между экономическим и спортивным сдвигом показательна, но нуждается в более точной количественной оценке.

Эмансипация субалтерна через спорт в постколониальных государствах выглядит маловероятной. Хотя наибольшим потенциалом обладает интеграционное направление, оснований полагать, что он будет реализован в ближайшее время, нет, о чем говорит и неизменное положение и состав Исполнительного комитета МОК, и новый проект турнира между сильнейшими футбольными клубами Африки при поддержке ФИФА, и постоянная воля правительств инструментализировать спорт в своих интересах.

Результат анализа можно сформулировать так: при всем потенциале спорта в эмансипации субалтерна и разрушении структур насилия, максимальный прогресс наблюдался на заре независимости экс-колоний, на данный же момент он не вносит существенного вклада ни в то, ни в другое.

³⁹ Why Yonex is number 1 when it comes to badminton rackets. *Badminton Warehouse*. 05.07.2017. URL: <https://www.badmintonwarehouse.com/blogs/news/why-the-japanese-manufacturer-is-number-1-when-it-comes-to-badminton-rackets> (accessed 07 Mar 2022).

⁴⁰ Honma Stories. *Honma*. URL: <https://www.honmagolf.com/int/stories> (accessed 07 Mar 2022).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность канд. полит. наук, доценту кафедры мировых политических процессов МГИМО М. В. Харкевичу за 2 самых

полезных и занимательных курса бакалаврской и магистерской программы, открытость новым нестандартным исследованиям, вдохновение, помощь и поддержку.

Acknowledgements: The author expresses her sincere gratitude to M. V. Kharkevich, Cand.Sci.(Polit.), Associate Professor of the Department of World Politics at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) for his useful and entertaining courses, openness to non-standard research, inspiration, help, and support.

Литература / References

1. Saavedra M. SDP and postcolonial theory. Collison H., Darnell S. C., Giulianotti R., Howe P. D. *Routledge Handbook of Sport for Development and Peace*. L.: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315455174>
2. Bale J., Cronin M. Introduction: sport and postcolonialism. *Sport and Postcolonialism*, eds. Bale J., Cronin M. Routledge, 2003. <https://doi.org/10.4324/9781003086772>
3. Kone Y. Postcolonial and post-racial runners: the rise of African and African-American athletes in society. *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*, 2018, 3(1): 114–118. <https://doi.org/10.15406/jhaas.2018.03.00072>
4. Frenkiel S. Migratory networks used by Algerian professional footballers in France: from colonial times to the postcolonial era, 1932–1991. *The International Journal of the History of Sport*, 2015, 32(7): 952–964. <https://doi.org/10.1080/09523367.2015.1045357>
5. Рустамова Л. Р. Мягкая сила и публичная дипломатия. М.: КноРус, 2021. 252 с. [Rustamova L. R. *Soft power and public diplomacy*. Moscow: КноРус, 2021, 252. (In Russ.)] EDN: SZBWAJ
6. Byron K., Chepyator-Thomson J. R. Sports policy in Kenya: deconstruction of colonial and post-colonial conditions. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 2015, 7(2): 301–313. <https://doi.org/10.1080/19406940.2015.1023823>
7. Clarke J., Ojo J. S. Sport policy in Cameroon. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 2017, 9(1): 189–200. <https://doi.org/10.1080/19406940.2015.1102757>
8. Sébastien R., Ferez S., Marcellini A. La pétanque à Pondichéry: négociation postcoloniale des identités nationales et culturelles en contexte mondialisé. *Géographie et cultures*, 2012, 82: 77–95. <https://doi.org/10.4000/gc.1362>
9. Brown C. Playing the game: ethnicity and politics in Indonesian badminton. *Indonesia*, 2006, (81): 71–93.
10. Jones C. Kourat el Kadem: soccer culture and fandom in postcolonial Francophone Algerian texts. *The Journal of North African Studies*, 2022, 27(1): 143–159. <https://doi.org/10.1080/13629387.2020.1789459>
11. Kilcline C. Playing out the postcolonial: football and commemoration. *France's Colonial Legacies: Memory, Identity and Narrative*, ed. Barclay F. University of Wales Press, 2015, 207–226.
12. Chepyator-Thomson J. R. Public policy, physical education and sport in English-speaking Africa. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 2014, 19(5): 512–521. <https://doi.org/10.1080/17408989.2014.891579>
13. Boum A. Shoot-outs for the nation: football and politics in post-colonial Moroccan–Algerian relations. *Soccer & Society*, 2013, 14(4): 548–564. <https://doi.org/10.1080/14660970.2012.753536>
14. Chipande H. D., Banda D. Sports and politics in postcolonial Africa. *The palgrave handbook of African colonial and postcolonial history*, eds. Shanguhya M. S., Falola T. NY: Palgrave Macmillan, 2018, 1263–1283. https://doi.org/10.1057/978-1-137-59426-6_50
15. Besnier N. Sports mobilities across borders: postcolonial perspectives. *The International Journal of the History of Sport*, 2015, 32(7): 849–861. <https://doi.org/10.1080/09523367.2015.1023713>
16. Poli R. Explaining the "muscle drain" of African football players: world-system theory and beyond. *BAB Working Paper*, 2008, (1).
17. Андреев А. В., Дудник Е. М., Корольков А. Н. Доходы ведущих спортсменов как индикатор развития современного профессионального спорта. Спорт: экономика, право, управление. 2019. № 3. С. 9–13. [Andreev A. V., Dudnik E. M., Korolkov A. N. Incomes of leading athletes as an indicator of the development of modern professional sports. *Sport: economy, law, management*, 2019, (3): 9–13. (In Russ.)] EDN: NHSOFI
18. Дробот Г. А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы. *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 6. 61–83. [Drobot G. A. Marxism in international relations theory: history, foreign and domestic schools. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2014, (6): 61–83. (In Russ.)] EDN: TBGBQL